

Маркс, Бакунин и война

1915, источник: *Голос труда*. 1915. №№41-42. С. 2.

Под заглавием «Карл Маркс — пангерманист» вышла недавно в Париже небольшая книжка Джемса Гильома, старого друга и товарища Бакунина по Интернационалу, а в последние годы деятельного участника французского синдикалистского движения. Книжка эта, написанная еще до войны, должна была служить предисловием отчетам о процессах парижского Интернационала (1868-70 годов), который собирался издать синдикалистский журнал «Рабочая Жизнь», издававшийся Монаттом. С началом войны журнал прекратил свое существование, и Дж.Гильом выпустил свое предисловие отдельно. События придали ему интерес современности; книжка наделала много шума и в социалистическом мире, и даже среди широкой публики, и вызвала оживленные возражения со стороны социал-демократов; интересно, что подобного же рода полемика происходит теперь и между русскими с.-р-ами и с.-д-ами по поводу статей в газетах «Мысль» и «Жизнь». Очевидно, вопрос — как нельзя более современный и близко затрагивающий многих.

Взгляды Маркса на положение дел во время франко-прусской войны высказывались, с одной стороны, в официальных заявлениях Генерального Совета Интернационала, всегда состоявшихся им, а с другой — в письмах к друзьям, особенно к Энгельсу, при чем между теми и другими видна большая разница: публичные выступления Маркса были всегда — это видно из его писем — продуктом тонких расчетов, строго обдуманного дипломатического ходом; откровенно высказывался он только в частных письмах и страшно негодовал, когда что-либо из этих писем, по наивности некоторых товарищей, попадало в печать. Вот почему его переписка с Энгельсом представляет собой особенно ценный материал.

В письмах Маркса, приводимых в книжке Гильома, уже видны зародыши тех воззрений, которые впоследствии привели немецкую социал-демократию к ее теперешнему взгляду на войну. Было бы, конечно, клеветою на Маркса приписать ему что-нибудь подобное империалистическим стремлениям современных немецких с.-д-ов; но желание гегемонии Германии у него очень ясно. Эта гегемония является для него в высшей степени важной для судеб социализма. Вот что пишет он Энгельсу перед самым началом войны (20 июля 1870 года).

“ «Нужно, чтобы французов поколотили. Если пруссаки одержат победу, то централизация государственной власти будет полезна для централизации немецкого рабочего класса. Кроме того, немецкое преобладание перенесет центр тяжести европейского рабочего движения из Франции в Германию, а достаточно сравнить движение в этих двух странах, начиная с 1880 года, и до сих пор, чтобы увидеть, что немецкий рабочий класс выше французского, как в отношении теории, так и в отношении организации. Преобладание на мировой сцене немецкого пролетариата над французским будет вместе с

тем преобладанием нашей теории над прудоновской».

Очевидно, Маркс считал, что уничтожить французские тенденции в социализме можно разгромив самих носителей их; история показала, что в последующие годы в международном социализме действительно стал преобладать германский социал-демократизм преобладание его тянулось вплоть до самых последних лет. Но было ли это последствием бисмарковских побед, или подавления Парижской Коммуны – решить трудно; пожалуй, внутренне поражение играло большую роль, чем внешнее.

Как бы то ни было, Маркс в то время считал войну с Францией войной «народной», а против присоединения Эльзаса и Лотарингии высказывался не с принципиальной точки зрения, как Либкнехт и Бебель, а с точки зрения выгод немецкого государства: «это будет разорительно для Германии и затянет войну... потому что Франция войдет в союз с Россией чтобы воевать с Германией». (Письмо к Энгельсу от 17 августа и ответ брауншвейгскому комитету социалдемократической партии).

4-го сентября, в день провозглашения республики во Франции, парижские члены Интернационала выпустили следующее «Воззвание к немецкому народу»:

“ «Человек, вызвавший эту братоубийственную войну и находящийся теперь в твоих руках,¹ больше не существует для нас. Республиканская Франция приглашает тебя, во имя справедливости, отозвать свои войска; иначе нам придется сражаться до последнего человека и проливать твою и свою кровь.

Мы притворяем тебе то, что говорили коализованной против нас Европе в 1793 году: французский народ не заключит мира с врагом, занимающим его территорию...

Уйди обратно за Рейн.

С обоих берегов оспариваемой реки пусть Германия и Франция протянут друг другу руки. Забудем преступления, которые наши деспоты заставляли нас совершать друг против друга...

Оснует на нашем союзе Соединенные Штаты Европы.

Да здравствует всемирная Республика!»

Как же отнеслись к этому призыву Маркс и Энгельс?

Маркс пишет Энгельсу 10 сентября о «парижских дураках»:

“ «Они прислали мне целые массы своего смехотворного воззвания, которое возбуждает здесь, среди английских рабочих, насмешки и негодование... И к тому же эти молодцы позволяют себе давать мне по телеграфу инструкции

А вот мнение Энгельса:

“ «Эти люди, терпевшие Наполеона в течение 20 лет... теперь, потому только, что немецкие победы подарили им республику (и какую!), имеют дерзость требовать, чтобы немцы немедленно покинули священную землю Франции, а иначе – «Война до конца!». Это все старое хвастовство: превосходство Франции, неприкосновенность земли, освященной 1793-м годом и от которой все французские свинства не отняли с того времени этого характера, святость слова «Республика»... И он заключает надеждой, что французы образумятся, потому что иначе трудно будет поддерживать с ними международные сношения

**(Письмо к Марксу от 7-го сентября).*

Немногим лучше отнеслись оба основателя социал-демократии и к прокламации брауншвейгского комитета, составленной приблизительно в духе «Воззвания» — в пользу мира между обоими народами. В ответ на эту прокламацию, Маркс послал брауншвейгцам «инструкции», в которых между прочим объяснялось, что немецкие победы принесли большую пользу, что немецкому рабочему классу предстоит сыграть большую историческую роль, что центр тяжести европейского рабочего движения перешел в Германию и т.д.

Итак, и Маркс, и Энгельс, с одной стороны радовались немецким победам, а с другой – были против призывов к миру со стороны социалистов обеих стран. Чего же собственно хотели они и какую программу предлагали? Относительно Германии эта программа остается в тени: все, что можно сказать, это – что они были против всякой попытки революции (письма Энгельса от 15 августа и 7 сентября, письмо Маркса от 17 августа). Что касается Франции, то они дают французским рабочим очень определенные советы – опять-таки в направлении предотвращения всякой революции. Маркс и Энгельс смеются над тем, что французские социалисты предлагают мир немецкому народу, но они, вместе с тем, решительно против того, чтобы французские рабочие взяли в свои руки, совершив внутренний переворот во Франции, войну с внешним завоевателем. Чего же хотят они, наконец, в этот момент – мира или войны? Они хотят мира, но под условием, что он будет продиктован Бисмарком и принят французской буржуазией, а не явится результатом революционных выступлений обоих народов. Маркс дает французским рабочим, от имени Генерального Совета (через посредство заведовавшего перепиской с Францией Дюпона) макиавеллические указания, достойные его всегдашней борьбы с противниками. «Роль рабочих и даже их долг, при настоящих условиях, пишет Дюпон корреспонденту Генерального Совета в Лионе, Альберу Ришару, предоставить буржуазной нечисти заключить мир с пруссаками (так как позор этого акта ляжет на нее неизгладимым пятном), не укреплять буржуазию восстаниями, а воспользоваться теми свободами, которые обстоятельства дадут, чтобы организовать силы рабочего класса» (Письмо от 6-го сентября). Точно так же и в воззвании Генерального Совета (от 9 сентября) Маркс советует французским рабочим быть «спокойными» и «рассудительными» и «не увлекаться воспоминаниями 1792 года». Их задача, по его

мнению, должна быть исключительно «классовая».

“ «Всякая попытка свергнуть новое правительство при современном кризисе, когда неприятель стоит почти у ворот Парижа, была бы отчаянным безумием. Французские рабочие должны исполнить свой долг, как граждане, но, вместе с тем, они не должны увлекаться воспоминаниями 1792 года, как недавно французские крестьяне дали себя увлечь воспоминаниями о первой Империи. Они должны не повторять прошлое, а строить будущее. Пусть они спокойно и решительно воспользуются удобствами республиканской свободы, чтобы работать для своей классовой организации».

Как эта точка зрения, которую мы теперь назвали бы «чистым экономизмом», сочетается у Маркса с ожиданием благих последствий для социализма от немецких побед – понять довольно трудно. Дж.Гильом дает, правда, очень простое – даже чересчур простое – объяснение: «Не ясно ли, — пишет он, — что Маркс и Энгельс... просто хотят, чтобы Бисмарк завершил свое дело взятием Парижа, не встретив сопротивления со стороны французского пролетариата?». Но такую степень иезуитизма даже у Маркса предположить трудно. Во всяком случае, как бы ни объяснялось его противоречие, а интересно одно: Маркс, всегда отстаивавший участие в политике там, где это участие принимает форму парламентской деятельности, и пытавшийся навязать это участие всему Интернационалу, является чистым «классовым» экономистом, как только эта политическая борьба грозит превратиться в борьбу революционную. Французские же социалисты и вообще федералисты Интернационала, всегда проповедовавшие воздержание от политикопарламентской, готовят, наоборот, восстание с целью свергнуть заключившее мир правительство и, совершив внутренний переворот, отразить затем внешнее нападение всю силою народного энтузиазма. И в этом отношении, как и во всем остальном, ярко выступает противоположность основных точек зрения, так рельефно олицетворявшаяся в ту эпоху противоположностью двух великих личностей – Маркса и Бакунина.

Бакунин не собирался завоевывать силой французского оружия победу тому «прудоновскому» социализму, который так хотел уничтожить Маркс; но защиту Франции от прусских войск он считал необходимой, даже несмотря на то, что непосредственно война была вызвана Наполеоном, а не Бисмарком, и что большинство французских социалистов до свержения Наполеона относились более или менее равнодушно к немецким победам. Они стали настаивать на «войне до конца» лишь после 4-го сентября, и тогда же к ним присоединился и весь федералистский Интернационал.¹ Но Бакунин еще 23-го августа, т.е. при империи, писал Ришару в Лион, что французское правительство обманывает и продает Францию, что оно погубит ее и спасти ее существование может только восставший народ.

“ «Париж и Франция могут быть спасены только громадным народным восстанием. Пусть повсюду народ возьмется за оружие, пусть организуется сам и начнет против немецких завоевателей истребительную войну, войну на ножах... Нужно свергнуть внутренних пруссаков, чтобы затем спокойно и с уверенностью идти против пруссаков внешних. Патриотическое движение

1792 года – ничто в сравнении с тем, которое вы должны поднять теперь, если вы хотите спасти Францию от рабства на 50 лет, от нищеты и разорения, от иноземного нашествия и уничтожения».

«Обычные средства, регулярная армия не может спасти Францию; ее спасение только в народном восстании», пишет он в первом из своих «Писем к французам». Этот призыв к революции на патриотической почве, к устранению правительства с целью перехода в руки народа защиты страны, характерен не для одного Бакунина, а и для всего революционного движения того времени во Франции; эта тенденция видна и в Коммуне.

В тех же «Письмах к французам» Бакунин объясняет почему он, интернационалист, призывает к войне.

“ «О, если бы во Францию вступила армия пролетариев – немцев, англичан, бельгийцев, испанцев, итальянцев – высоко несущая знамя революционного социализма и возвещающая миру окончательное освобождение труда и пролетариата, я бы первый крикнул рабочим Франции: «раскройте им свои объятия, это – наши братья, соединитесь с ними, чтобы уничтожить гнилые остатки буржуазного мира!». Но то нашествие, которое теперь поразит Францию, — не нашествие демократическое и социальное, а нашествие аристократическое, монархическое и военное. Те пятьсот или шестьсот тысяч немецких солдат, которые в настоящую минуту душат Францию – рабы деспота, полного сознанием своего божественного права; ими управляют, командуют, как автоматами, офицеры и генералы, вышедшие из самой высокомерной аристократии в мире; они – спросите у ваших братьев, немецких рабочих – самые ожесточенные враги пролетариата. Если бы французские рабочие встретили их мирно, если бы они отнеслись индифферентно к этому нашествию немецкого деспотизма, аристократизма и милитаризма на французскую землю, они изменили бы не только своему собственному достоинству, своей собственной свободе, своему собственному благосостоянию, и всем надеждам на лучшее будущее; они изменили бы и делу пролетариата всего мира, святому делу революционного социализма». Этот последний повелевает им, в интересах рабочих всех стран, уничтожить озверелые банды немецкого деспотизма – так же, как они сами уничтожали вооруженные банды деспотизма французского, истребить всех до последнего солдат прусского короля и Бисмарка, так чтобы ни один из них не ушел живым или вооруженным из французской земли». ² Далее Бакунин говорит о том, что может быть своим пассивным отношением рабочие хотят отомстить буржуазии? Но они уже отомстили таким образом за июньские дни тем, что приняли без сопротивления наполеоновский переворот в декабре 1852 года – и поплатились за это двадцатью годами угнетения. «Мстить всегда на самом себе и в пользу тех самых людей, которым собираешься отомстить, не кажется мне особенно остроумным, и вот почему я не могу верить рассказам немецких корреспондентов (писавших, что французские рабочие мирятся с

победой Пруссии). Неужели умные парижские рабочие не знают, что окончательная победа пруссаков означала бы гораздо большие нищету и рабство французского пролетариата, чем унижение и разорение французской буржуазии?». И Бакунин доказывает, что буржуазия всегда устроит свои дела, особенно на почве усилившейся нужды в рабочем классе, тогда как пролетариат долго не избавится от ига. Но он надеется, что рабочие сбросят с себя апатию, возьмутся за оружие (оружие, которого не хочет дать им правительство) или скорее погребут себя под развалинами Парижа, чем впустят в свою столицу немецкого императора». ³

А немного позже Бакунин пишет:

“ «Я уверен, что поражение и порабощение Франции и торжество подчиненной Пруссии Германии погрузило бы всю Европу в мрак, нищету и рабство прошлых веков. Я настолько убежден в этом, что считаю, что в настоящую минуту – священный долг каждого человека, любящего свободу и стремящегося к торжеству гуманности над зверством, прийти – кто бы он ни был, англичанин, испанец, итальянец, поляк, русский, или даже немец – и принять участие в демократической борьбе французского народа против немецкого деспотизма». ⁴

Этими мыслями проникнуты все писания Бакунина, относящиеся ко времени войны 1870 г. Везде он призывает рабочих Франции к участию в войне, во имя борьбы с угнетением, как Маркс призывает их наоборот, к равнодушному отношению к ней во имя (чисто-классовой политики). Анархизм и социал-демократия у своей колыбели ясно противопоставляются друг другу...

Теперь, через 44 года, перед нами встают те же вопросы. И потому с таким интересом читается теперь то, что написали в то время представители обоих лагерей социализма, с такую страстью ведутся до сих пор споры об этом историческом прошлом. И как все это, до мелочей, современно! Слова Бакунина о мести буржуазии на собственной спине – точно ответ на прокламацию Домелы Ньювенгейса, напечатанную в одном из номеров «Г.Т.», а вся его аргументация точно составлена ввиду той позиции, которую заняло в наше время большинство русских товарищей. Взаимное положение партий теперь изменилось. Социалдемократы переместились вправо, в сторону империализма; многие анархисты тоже переместились (вправо или влево?), в сторону чисто-экономического взгляда на рабочую борьбу. Прогресс это, или регресс – я сейчас разбирать не стану, но как бы мы не относились к прошлому нашего движения, знать его мы во всяком случае должны. Вот почему я отсанивалась на взглядах Бакунина несколько дольше, чем этого требовало простое изложение новой книжки Дж.Гильома.

Комментарий редакции "Голоса Труда"

Поместивши в «Г.Т.» статью т. М.Корн, мы считаем нужным оговорить, что безусловно отрицательно относимся ко всей той кампании, которую предприняла, основываясь на брошюре Дж.Гильома, «Батай Сендикалист», с целью доказать, что Карл Маркс был пангерманистом. Несмотря на некоторые оговорки, т. М.Корн в общем всецело поддерживает эту точку зрения французских социал-националистов. Заметим прежде всего, что и все прочие обвинители вынуждены признать, что в своих официальных выступлениях во время войны Маркс выдерживал интернационалистическую позицию.

Что же касается частной переписки Маркса с Энгельсом, то он, несомненно представляет большой интерес с исторической точки зрения. Но когда к этой переписке подходят, как это делают французские социал-патриоты, со специальной целью – оправдать свою националистическую, антинемецкую позицию путем «доказательств», что «немецкий» социализм с самого начала был пропитан империализмом, то революционные интернационалисты, не могут, конечно, сочувственно отнестись к подобным историческим «исследованиям».

Т-щ М.Корн в своей статье не ограничивается поддержкой этой кампании французских социал-националистов против Карла Маркса. В своем стремлении оправдать позицию французских социалистов и синдикалистов, она пытается доказать, что если империализм В.Гейне и Зюдекумов берет свое начало от Маркса, то Жуо и Ш.Альберы в своем социал-патриотизме являются верными последователями Бакунина. Но т. М.Корн достигает тут прямо противоположных результатов. Достаточно указать на приведенную ей цитату из письма Бакунина к Ришару, в котором Бакунин говорит, что спасти Францию можно только путем «громдного народного восстания»... «Нужно свергнуть внутренних пруссаков, чтобы затем спокойно и с уверенностью идти против пруссаков внешних».

Письмо это, правда, было написано за две недели до свержения империи. Но кто хоть немного знаком с воззрениями Бакунина, не усомнится, что под «внутренними пруссаками» Бакунин подразумевал не только Наполеона III с его бандой, но и всю французскую буржуазию. Исход, предлагавшийся Бакуниным, не имеет, очевидно, ничего общего с нынешней позицией французских социалпатриотов. При всей своей ненависти к бисмарковской Германии, Бакунин ни на минуту не забывал о «внутренних пруссаках», не призывал к «национальному единению», в смысле объединения рабочих с буржуазией, а наоборот словом и делом призывал к народному восстанию.

Прежде всего свержение внутреннего деспотизма, а потом уже война освободившегося революционного народа с внешним врагом, вторгшимся в пределы территории, над которой развивается революционное знамя – такова была точка зрения Бакунина, и такова и теперь точка зрения революционных интернационалистов.

Примечания

¹ См. воззвание помещенное в швейцарской газете «Солидарита» и приведенное в большом труде Дж.Гильома об истории интернационала «L'Internationale : documents et souvenirs», v.II, p.81. Там же и письма Бакунина.

² «Lettres a un Francais», т.II франц. изд., стр. 257-258.

³ Там же, стр. 262

⁴ Рукопись без заглавия, написанная в Марселе и напечатанная в т. IV франц. Изд. Сочинений Бакунина, стр. 153.

Версия #2

Зверобой создал 21 февраля 2026 07:50:20

Зверобой обновил 21 февраля 2026 07:51:21